

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-63-69

## «Сороковые, роковые...» в поэзии Давида Самойлова: лингвостилистический анализ трех стихотворений о войне (К 100-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

В статье анализируются три стихотворения о войне («Слово о Богородице и русских солдатах», «Атака» и «Сороковые»), написанные Д. Самойловым в разные периоды творческой деятельности. На основе имеющихся исследований творчества известного поэта XX в. предлагается разноуровневая характеристика его военной лирики. Цель статьи – на основе лингвостилистического анализа стихотворений Д. Самойлова о войне охарактеризовать специфику поэтического языка самобытного автора, раскрыть многоликость и разноплановость его творческой манеры. Методы исследования: углубленное чтение, сопоставительный анализ, онтологический метод, многоуровневый анализ поэтических текстов. Автор акцентирует внимание на реминисценциях в военной поэзии Д. Самойлова, контрасте и средствах его создания, повторе как художественном приеме, паронимазии и стилистическом смещении языковых средств разных уровней. В статье делается вывод о многоаспектном подходе поэта к раскрытию военной темы.

Ключевые слова: *Давид Самойлов; реминисценция; фольклор; паронимазия; разностильные языковые средства; повтор; контраст; хронотоп*

Ссылка для цитирования: *Фролова Е. А. «Сороковые, роковые...» в поэзии Давида Самойлова: лингвостилистический анализ трех стихотворений о войне (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 3. – С. 63–69. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-63-69.*

## «The Forties, Fateful...» in David Samoylov's Poetry: a Lingvo-stylistic Analysis of Three Poems about War (To the 100th Anniversary of the Birth)

Elena A. Frolova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

The article presents an analysis of three poems about war («The Tale of Our Lady and Russian Soldiers» («Slovo o Bogoroditse i Russkih Soldatoh»), «The Attack» («Ataka»), «The Forties» («Sorokovy»)) written by D. Samoylov in different periods of his creative activity. On the basis of the existing research of the creative work of the famous poet of the 20th century, a multilevel characteristic of his war lyrics is given. The aim of the article is to characterize the specific features of the poetic language of such an original author by means of a lingvo-stylistic analysis of D. Samoilov's poems, to reveal the richness and diversity of his artistic manner. The following research methods were used: analytical reading, comparative analysis, ontological method, a multilevel analysis of poetry. The author accentuates reminiscences in D. Samoilov's war poetry, the contrast and contrast means, repetition as an artistic device, paronomasia in the stylistic mixture of linguistic means belonging to different levels. A multidimensional poet's approach to the theme of the war is the conclusion of the article.

Keywords: *David Samoylov; reminiscence; folklore; paronomasia; multi-style linguistic means; repetition; contrast; the chronotope*

A reference for citation: *Frolova E. A. «The Forties, fateful...» in David Samoylov's poetry: a lingvo-stylistic analysis of three poems about war (To the 100th anniversary of the birth). In Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 3, pp. 63–69. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-63-69.*

Давид Самойлов считается одним из ярких представителей поэзии XX в., в творчестве которого соединились глубокая культура, свежесть мысли и легкий юмор. О нем писали многие литературоведы (см. работы Л. Аннинского, Ю. Болдырева, Е. Осетрова, С. Рассадина, Б. Сарнова, С. Чупринина, И. Шайтанова и др.), акцентируя внимание на эволюции творчества Д. Самойлова. Так, критик Ю. Болдырев утверждал, что необходимо «прочесть однажды все его книги от первой до последней, увидеть путь, которым шел и идет поэт, выяснить, что дал он поэзии и своему народу», «открыть его в полной мере»<sup>1</sup>. Л. Аннинский воспринимал Д. Самойлова как певца «структуры», понимая под ней красоту, а эволюцию творчества поэта рассматривал как путь «утраты одной красоты ради другой»<sup>2</sup>. По мнению Е. А. Ясаковой, красота присутствует в разных по тематической направленности стихотворениях поэта: «...настоящую красоту он прозревает даже на войне. Она является ему в образе Богородицы, плачущей о русских солдатах» («Слово о Богородице и русских солдатах») [Ясакова 2019: 67]. И. Шайтанов утверждал, что центральное место в творчестве Д. Самойлова занимает поэтическая память [Шайтанов 1989]. Этапы творческой эволюции Д. Самойлова исследовала в диссертационной работе Л. Ю. Клевцова<sup>3</sup>. На смену гармонии трагизмом в творчестве поэта обратил внимание С. Чупринин [Чупринин 1978]; об историзме стихотворений Д. Самойлова писали Б. Сарнов [Сарнов 1964], А. Немзер [Немзер 2006] и др. Творчеству Д. Самойлова посвящена монография литературоведа В. С. Баевского [Баевский 1986]. Лингвостилистическая характеристика Самойлова-лирика представлена в статье Э. М. Береговской [Береговская 2003: 14–26].

Цель данного исследования — на основе лингвостилистического анализа стихотворений Давида Самойлова о войне охарактеризовать специфику поэтического языка самобытного автора, раскрыть многогранность и разноплановость его творческой манеры.

<sup>1</sup> Цит. по: Клевцова Л. Ю. Поэтическая эволюция Давида Самойлова: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

В статье затронуты лишь некоторые аспекты военной темы в творчестве Давида Самойлова. Многое осталось за ее пределами: образ женщины на войне, мотив памяти и др. На примере лингвостилистического анализа трех стихотворений поэта мы постараемся показать его разноаспектность и многогранность в подходе к этой сложной и неоднозначной теме.

Поскольку творчество поэта неразрывно связано с фактами его биографии, остановимся на основных этапах творческого пути Д. Самойлова.

Давид Самуилович Самойлов (Кауфман) (1920–1990) родился в Москве в семье врача. В 1938 г. будущий поэт с отличием окончил школу и поступил в Московский институт философии, литературы и истории, где в то время работали такие известные ученые, как Л. И. Тимофеев, Н. К. Гудзий, Д. Н. Ушаков, Ю. М. Соколов, С. И. Радциг, Д. Д. Благой. Здесь он познакомился с И. Сельвинским, который помог ему попасть в поэтический семинар при Гослитиздате, посещал семинары Н. Асеева, В. Луговского в Литературном институте.

В студенческий период Д. Самойлов подружился с поэтами, позже вошедшими в когорту представителей поэзии военного поколения 1940-х гг.: Сергеем Наровчатовым, Борисом Слуцким, Михаилом Кулчицким, Павлом Коганом. К их числу принадлежал и сам Д. Самойлов, посвятивший друзьям пророческое стихотворение «Пятеро».

Поэт не мыслил своей жизни вне событий, происходящих в стране. Не попав на фронт по возрасту, Д. Самойлов пошел добровольцем рыть окопы на Смоленщине, под Вязьмой. Затем в течение двух месяцев был курсантом Гомельского военно-пехотного училища, откуда по тревоге был отправлен на Волховский фронт, под Тихвин. По словам самого поэта, война открыла ему главное — ощущение народа. Был ранен, пять месяцев провел в госпиталях, а затем снова вернулся на фронт в моторазведроту. Освобождал Польшу, Германию, дошел до Берлина. Последнее звание — старший сержант. Друг Давида Самойлова Лев Копелев заметил: «Мы все воевали офицерами, политработниками, а Дезик был солдатом, пулеметчиком, разведчиком. Это другая война» (цит. по:

[Береговская 2003: 14]). Вернулся в Москву в ноябре 1945-го и начал жить литературным трудом, перебиваясь случайными заказами, переводами, работая на радио.

Во время войны Д. Самойлов стихов почти не писал, если не считать стихотворений про удачливого солдата Фому Смыслова и сатиры на Гитлера, которые были опубликованы в гарнизонной газете под псевдонимом Семен Шило. Только в 1958 г. вышла первая книга стихов Д. Самойлова «Ближние страны», в 1963-м — «Второй перевал». Давид Самойлов участвовал в создании нескольких спектаклей в Театре на Таганке, в «Современнике», писал песни для спектаклей и кинофильмов [Биография Давида Самойлова... Электронный ресурс].

Военная тема занимает важное место в творчестве поэта. Его «военные» стихи стали своеобразным жизненным опытом юноши-солдата. При этом каждое стихотворение о войне раскрывает новую грань в поэтическом портрете автора. Например, «Слово о Богородице и русских солдатах» (1942–1943) подчеркивает тенденцию к «вечным образам» в лирике Д. Самойлова.

Образ Богородицы был неоднозначен и многофункционален в разные временные периоды — от преклонения до неприятия. Художники слова использовали его для выражения собственного мировосприятия. Так, в творчестве С. Есенина образ Богоматери связан прежде всего с идеей материнства. Кроме этого, Богородица в произведениях поэта — вечная крестьянская заступница. В стихотворении А. Белого «Родине» Россия предстает в образе «Неопалимой купины»; А. Ахматова использует образ Богородицы как спасительный оберег, покров для защиты Отечества. Образ Богородицы как исконной защитницы России возникает в стихотворении М. Волошина «Владимирская Богоматерь», которая *Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам*.

Д. Самойлов обращается к «вечному образу» Богородицы как к источнику обобщения и контраста, на котором построен текст, — противопоставлении Божьего рая и земного ада. Выбор фольклорного жанра, получившего развитие в древнерусской литературе, заявлен уже в названии стихотворения — ключевой позиции текста (ср.: «Слово о погибели земли Русской», «Слово о полку Игореве» и др.).

Автор следует традициям устного народного творчества, рисуя зачин стихотворения:

За тучами летучими  
За горами горбатыми  
Плачет Богородица  
Над русскими солдатами.  
Плачет-заливается за тучкою серой:  
«Не служат мне солдаты правдой и верой»<sup>4</sup>.

Особую напевность тексту придает прием параномазии, «предполагающий нарочитое сближение слов, в чем-либо сходных в своем звуковом составе»<sup>5</sup>: за *тучами летучими*, за *горами горбатыми*.

В произведениях фольклора зачин неразрывно связан с повествованием, указывает на время и место действия, называет персонажей; ср. зачин в былине о Вольге Святославовиче и Микеле Селяниновиче:

Когда воссияло солнце красное,  
На тое ли на небушко на ясное,  
Тогда зарождался молодой Вольга,  
Молодой Вольга Святославович.

Зачин включает традиционный набор слов, общепринятые формулы. Так, в обоих текстах есть обращение к силам природы с использованием постоянных эпитетов (*тучи летучие*, *горы горбатые*, *тучка серая* — *солнце красное*, *небушко ясное*), оба зачина содержат инверсивные синтаксические конструкции. В стихотворении Д. Самойлова обращает на себя внимание синонимичный повтор глагольных форм с целью усиления градационного действия (*плачет-заливается*), а также устойчивый оборот *служить правдой и верой*, что подчеркивает реминисцентную<sup>6</sup> направленность текста.

<sup>4</sup> Здесь и далее стихотворения Д. Самойлова цит. по: Самойлов Д. С. «Мне выпало всё...» / сост. А. Д. Давыдов. — М., 2000.

<sup>5</sup> Бельчиков Ю. А. Параномазия // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2321784> (дата обращения: 11.01.2020).

<sup>6</sup> Реминисценция (от лат. *reminiscentia* — воспоминание) — содержащаяся в произведении отсылка к другому тексту, напоминание о другом художественном произведении, факте культурной жизни... Реминисценция необходима, для того чтобы создать определенный контекст для восприятия произведения, включить его в традицию и в то же время показать его

В реплике-ответе солдата Тишки просвечивает аллюзия на старинную русскую военную песню «Солдатушки, бравы ребятушки...»:

— Нам ружьишки — братишки,  
Сабли остры — родные сестры.

Созданию фантастического в стихотворении Д. Самойлова способствует связь текста с традиционными деталями волшебных сказок. Например, в русской народной сказке «Царевна-лягушка» Василиса Премудрая «махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди». В стихотворении поэта (о Богородице):

Скажет она слово —  
лист золотится;  
слезу уронит —  
звезда закатится.

В обоих случаях перед нами бессоюзные сложные предложения с синкретичными отношениями между частями (условно-временные + причинно-следственные), что порождает многоплановость восприятия текста.

Однако на смену сказочной сюжетосоставляющей приходит земная реальность:

Стояли два солдата на посту придорожном,  
ветром покрыты, дождем огорожены.  
Ни сухарика в сумке, ни махорки в кисете —  
голодно солдатам, холодно им на свете.

Обращаясь к земному бытию, поэт сохраняет сказовую манеру подачи текста: инверсия в первом предложении, однотипные синтаксические конструкции, образующие однородные ряды.

Но постепенно Д. Самойлов отходит от традиций фольклора. Так, в третьей строфе стихотворения происходит разрушение сразу двух фразеологических оборотов. В первом случае автор сокращает фразеологизм *белый свет*, убирая определение-кolorатив и тем самым устраняя возможный лексический повтор (хотя повтор — традиционный прием автора). Однако в данном случае разрушение фразеологизма обусловлено скорее описываемой ситуацией:

отличие, новизну, создать диалог с традицией. (Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — М., 2003. — С. 870).

свет, где идет война, не может быть белым! И далее Д. Самойлов прибегает к прямому отрицанию как приему разрушения постоянного эпитета:

Взяла их Богородица за белые —  
нет! —  
за черные руки...

Цветовая антонимия усилена коротким отрицательным словом *нет!*, вынесенным в самостоятельную строку. Люди с черными руками оказываются в раю, и появляется новое средство создания контрастности текста — смешение разнотильной лексики:

Съели солдаты хлеба по три пайки.  
Жарко стало — скинули «куфайки».  
Закурили по толстой.  
Огляделись в раю.  
Стоит белая хата на самом краю.  
И святые угодники меж облаками  
пашут райскую ниву быками,  
сушат на яблонях звездные сети...

Просторечное и диалектное «*куфайки*», заключенное поэтом в кавычки, разговорные глаголы *скинули* и *огляделись*, субстантив *толстой* (о самокрутке) оказываются в одном ряду с *райской нивой* и *звездными сетями*. Снижению высокого, небесного способствует и включение в текст стихотворения солдатских реплик (элемент диалогичности), в которых присутствуют разговорные единицы лексического, семантического и грамматического уровней:

...«Век бы пробыть, Мати, с тобою,  
но дума одна не дает покою, —  
ну как, Богородица,  
пречистая голубица,  
бабе одной с пятерыми пробиться! —  
Избу подправить, заработать хлеба...  
Отпусти ты меня, Пречистая, с неба!»

Так возникает противостояние двух миров — Божьего и земного. И солдаты должны сделать выбор, кому служить: Богу в раю или Родине на земле. Но рай для себя невозможен, когда на земле страдают.

Заключительное пятистишие вновь рисует осенний пейзаж, где природа и человек едины:

Идут солдаты страной непогожею.  
И лежит вокруг осень  
мокрой рогожею.

Используя прием олицетворения, поэт меняет образные средства мира людей и мира природы. Яркий эпитет *непогожею* создает гнетущую картину беспросветных страданий, которые еще предстоит преодолеть русскому солдату. Метафоризация осени усиливает эту картину.

Д. Самойлов не идеализирует войну и подвиги солдат. Страшная суть военных событий сконцентрирована в стихотворении «Атака». Поэт отказывается от иносказаний и реминисценций, пытается дать максимально точное изображение боя. Перед читателем встают реалистичные картины сражения и раскрыто психологическое состояние солдат, призванных убивать и умирать:

Приказ проверить пулеметы.  
Так значит — бой! Так значит — бой!  
Довольно киснуть в обороне.  
Опять, опять крылом вороньим  
Судьба помашет над тобой!

Четырехстопный ямб рождает чеканный ритм, который поддерживается короткими рублеными фразами, включающими контактные повторы. Эмоциональная напряженность создается восклицательными конструкциями, передающими внутреннее состояние солдат перед боем. Метафорический образ вороньего крыла судьбы символичен: ворон — вещая птица и одновременно птица смерти (птица-падальщик). Поэт прибегает к образам животного мира для описания происходящего: *пролетает мина; пулемет присел сторожевой собакой*. Предстоящая неопределенность порождает настороженность и пустоту. А пустота — это переход в вечность. В четвертой строфе автор и обращается к вечности:

О, беззаботность бытия!  
О, юность горькая моя!  
О, жесткая постель из хвои.  
Мы спим. И нам не снятся сны.  
Мы спим. Осталась ночь до боя.  
И все неясности ясны.

С помощью нисходящей градации поэт сужает хронотоп: на смену беззаботности бытия приходит горькая юность, которая реализуется в военном настоящем (*О, жесткая постель из хвои*). Анафорический повтор восклицательной частицы *о* выражает череду чувств, которые овладевают солдатами

перед боем, — перед глазами проносится вся жизнь, пусть и такая короткая. Бытийное обобщение переходит на бытовую уровень. Сон и явь соединяются, оксюморон заключительной строки стирает грани между знанием и незнанием, между прошлым, настоящим и будущим.

В стихотворении соседствуют повседневные детали солдатской жизни (*И вот — рассвет. Приедут кухни. / Солдатский звякнет котелок*) и яркая образность военных действий, несущих смерть (*И вдруг — ракета. Пять ноль-ноль. / Заговорили батареи. / Фугасным адом в сорок жерл / Взлетела пашня*). Синтаксис помогает автору передать внезапность происходящего: неполное предложение с пропуском сказуемого, номинативная конструкция, фиксирующая начало сражения. А страшную картину боя рисуют образные средства — олицетворение и гиперболическая метафора, которая одновременно раскрывает ужас участников сражения:

И сыпался песок в траншеи.  
Он сыпался за воротник  
Мурашками и зыбким страхом.

Местный бой становится источником глобальных обобщений в стихотворении Д. Самойлова. Происходит обратный процесс расширения хронотопа. Вот уже *И времени потерял счет, / И близится земли крушение. / Застыло время — не течет...* Разрастание трагедии приводит к остановке времени. Теперь уже чужая воля движет людьми, обрекая их на смерть; чистое поле — символ простора, свободы и жизни — поэт сравнивает с гибелью. Происходит смена жизненных ориентиров: инстинкт самосохранения уступает место бессмертной душе, готовой сражаться до конца. Поэт не говорит о смерти прямо, но, описывая действия бойцов, дает понять читателю весь трагизм сражения:

«Ура!» — кричат на правом фланге.  
И падают и не встают.  
Горят на сопке наши танки,  
И обожженные танкисты  
Ползут вперед, встают, поют,  
«Интернационал» поют.  
И падают...

Повтор антонимичных глагольных пар *падают — встают* придает стихотворному тексту динамизм и одновременно



раскрывает *призрачность судьбы солдатской, / Где жизнь расчислена войной и где Из роты выжившие трое*. Динамику сражения передает также ряд однородных сказуемых в односоставном неопределенно-личном предложении (важно действие, а не его субъект!), на смену которым приходят обрывочные номинативные конструкции с девербативами, распространенными оценочными эпитетами: *И взрыв сухой... и резкий крик... / И стон: «Не оставляйте, братьцы...»*.

Раскрывая мир чувств и переживаний бойцов, автор приходит к парадоксальному итогу: бессмертная душа лишает солдат чувства сопереживания: *И мы шагаем через них*.

Ад войны калечит человеческие души. Убийство оказывается сродни творческому итогу: бессмертная душа лишает солдат чувства сопереживания: *И мы шагаем через них*.

Природа вторит аду войны: *рассвет синее, пухнет / Над лесом, как кровоподтек; день болезненно желт; полдень пороха серее*. Дальний бой сменяется рукопашным:

Уже кричат: «Сдавайтесь, гады!»  
Уже иссяк запас гранат,  
Уже врага штыком громят...

Анафорический повтор наречия *уже* с временным компонентом значения подчеркивает быстротечность событий. Бой завершен. Но не забыт. Заключительное двустипийное стихотворение поднимает тему памяти, остро стоящую в творчестве Д. Самойлова:

Смолкает оружейный ад.  
И в песню проснутся герои.

Знаковым в поэзии Давида Самойлова стало стихотворение «Сороковые». В нем поэт соединяет объективизм и субъективное начало, как бы подводя итог теме войны. Не случайно стихотворение имеет кольцевую композицию, построенную на неточном повторении именительного темы. С первых строк поэт рисует объективную картину войны. Использование цепочки однородных субстантивов-характеристик дает возможность автору отказаться от пространных описаний. Прием параномазии определяет сущность войны: это рок, который врывается в судьбы людей, круша их. Коннотативные номинации, оформленные с помощью четырехстопного ямба, как будто печатают

стук колес эшелона и помогают воссоздать страшные военные будни: *извещенья похоронные*. Обобщенный образ войны складывается у Д. Самойлова из непрерывного движения поездов (*Гудят накатанные рельсы*) и кочующих с запада на восток погорельцев. Контактный повтор создает ощущение бесконечности людского потока (*И погорельцы, погорельцы / Кочуют с запада к востоку...*).

В мире войны поэт видит себя (*А это я на полустанке*) как неотрывную часть народа. Смена хронотопа (*Да, это я на белом свете...*) позволяет автору объединить личное и общее и представить типизированный образ молодого солдата. Этому способствует и внимание поэта к рядовым деталям военной жизни, и к особенностям поведения начинающих бойцов (*И у меня табак в кисете, / И у меня мундштук наборный. — И я с девчонкой балагурю, / И больше нужного хроаю, / И пайку надвое ломаю, / И все на свете понимаю. — Ср.: И все неясности ясны* в стихотворении «Атака»).

Вновь возникает мотив памяти, однако здесь он предстает в субъективном ключе:

Как это было! Как совпало —  
Война, беда, мечта и юность!  
И это все в меня запало  
И лишь потом во мне очнулось!..

Риторические восклицания усиливают эмоциональность текста, в котором, как и в жизни, соединяется несоединимое. Поэт отказывается от прямых оценок страшной войны, которая *гуляет по России*, но его позиция четко выражена в заключительной строке текста: *А мы такие молодые!* Здесь и боль утрат, и горечь страданий, и сожаление об украденном войной времени.

Таким образом, раскрывая тему войны, Д. Самойлов использовал разные художественные приемы, начиная от фольклорных реминисценций и иносказаний до объективной реалистичности изображения. Поэт многолик в стихах о войне, как неоднозначны и его герои.

Давид Самойлов предъявлял очень высокие требования к себе как к поэту, считал это звание значимым и ответственным. «Поэт — это тот, кто сохраняет неразрушенной «структуру души» и видит сквозь калейдоскоп биографических фактов неотменимую логику своей судьбы. Поэт узнается не по наличию тех или иных свойств

(или их суммы), но по общей статистике, по парадоксальному единству резко индивидуального и всеобщего, ошеломляющей неожиданности и включенности в большую традицию (целое русской и мировой словесности), загадочности и открытости, сопричастности своей эпохе и отдельности, всегда предполагающей несогласие (часто — трагическое) с обстоятельствами времени и места» [Немзер 2010: 10].

## ЛИТЕРАТУРА

Баевский В. С. Давид Самойлов. Поэт и его поколение. — М., 1986.

Береговская Э. М. Давид Самойлов — лирик: лингвостилистический портрет // Русский язык в научном освещении. — М., 2003. — № 6. — С. 14–26.

Биография Давида Самойлова. Творческое наследие поэта [Электронный ресурс]. — URL: <https://fb.ru/article/221799/biografiya-davida-samoylova-tvorcheskoe-nasledie-poeta> (дата обращения: 15.01.2020).

Немзер А. С. История и современность в «Стихах о Царе Иване» Давида Самойлова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: в 2 ч.* — Тарту, 2006. — Ч. 2. — С. 392–433.

Немзер А. Поэт Давид Самойлов // *Самойлов Д. С. Счастье ремесла: избранные стихотворения.* — М., 2010.

Немзер А. Часовой и звезда // *Самойлов Д. «Мне выпало всё...»* — М., 2000. — С. 586–613.

Сарнов Б. Зрелость (рецензия на книгу Д. Самойлова «Второй перевал. Стихи») // *Новый мир.* — 1964. — № 3. — С. 246–250.

Чупринин С. Сухое пламя (рецензия на книгу Д. Самойлова «Весть») // *Новый мир.* — 1978. — № 11. — С. 318–322.

Шайтанов И. О времени слышнее весть... // *Самойлов Давид. Избранные произведения: в 2 т.* — М., 1989. — Т. 1. — С. 5–20.

Ясакова Е. А. «Красота» Давида Самойлова // *Русский язык в школе.* — 2019. — № 4. — С. 67–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-67-71.

## REFERENCES

Baevsky V. S. David Samoilov. The poet and his generation. Moscow, 1986. (In Rus.)

Beregovskaya E. M. David Samoilov — lyricist: linguo-stylistic portrait. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2003, No. 6, pp. 14–26. (In Rus.)

Biography of David Samoilov. The creative heritage of the poet [Electronic resource]. URL: <https://fb.ru/article/221799/biografiya-davida-samoylova-tvorcheskoe-nasledie-poeta> (accessed: 15.01.2020). (In Rus.)

Nemzer A. S. History and contemporaneity in «Poems of Tsar Ivan» by David Samoilov. In *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Vek nyneshnii i vek minuvshii»: kul'turnaya refleksiya proshedshei ehpokhi* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Present Century and Century Past»: cultural reflection of the past era]: in 2 vol. Tartu, 2006, vol. 2, pp. 392–433. (In Rus.)

Nemzer A. Poet David Samoilov. In *Samoilov D. S. Schast'e remesla: Izbrannye stikhotvoreniya* [Samoilov D. S. Happiness of the craft: Selected poems]. Moscow, 2010. (In Rus.)

Nemzer A. Samoilov D. S. Happiness of the craft: Selected poems. In *Samoilov D. «Mne vypalo vse...»* [Samoilov D. «Everything fell to me ...»]. Moscow, 2000, pp. 586–613. (In Rus.)

Sarnov B. Maturity (review of D. Samoilov book «Second Pass. Poems»). In *Novyi mir* [New World]. 1964, No. 3, pp. 246–250. (In Rus.)

Chuprinin S. Dry flame (review of D. Samoilov's book «News»). In *Novyi mir* [New World]. 1978, No. 11, pp. 318–322. (In Rus.)

Shaitanov I. O vremeni slyshnee vest'... [The news is heard louder ...]. In *Samoilov David. Izbrannye proizvedeniya* [Samoilov David. Selected works]: in 2 vol. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 5–20. (In Rus.)

Yasakova E. A. «Beauty» in David Samoilov's Poetic System. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, No. 4, pp. 67–71. (In Rus.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-4-67-71>.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia